

Е.А. Свириденко

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗНОКОРНЕВОЙ ЛЕКСИКИ

(на материале русского и белорусского языков)

Рассматривая проблему гетеролексии как межъязыкового феномена, содержащего по своему определению противоречие (тождество значения и различие материальной структуры), необходимо коснуться вопроса о соответствии семантических объемов анализируемых единиц. Работа с фактическим

материалом, а также изучение опыта толковых и двуязычных словарей показали, что главный критерий семантической близости гетеролекс — это нахождение их в однотипных смысловых отношениях. Материальным основанием признания слов полностью или частично эквивалентными по смыслу является наличие или отсутствие у них совпадающих элементов смысловой структуры. Межъязыковая эквивалентность — очень важное явление для исследования фактов сходства и различия разных фрагментов близкородственных языков. На это обращали внимание ученые еще в 70-х годах XX века. Абсолютное большинство слов одного языка находит свои эквиваленты в словах другого языка, что подтверждается практикой межъязыкового общения. С помощью понятия “эквивалент” можно строго описать данный фрагмент лексики русского языка и сопоставить с белорусским. Общей теории семантической эквивалентности пока не существует, хотя многие отечественные и зарубежные ученые работают в этом направлении, подвергая исследованию семантическую общность русского языка с другими языками. В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой нет статьи “эквивалентность”, зато есть термин “эквивалент”, который определяется как “единица речи, совпадающая по функции с другой, способная выполнять ту же функцию, что и другая единица речи” [1, с. 522]. Этот вопрос интересен, прежде всего, потому, что с помощью понятия “эквивалентность” (или “соответствие”) можно более упорядоченно анализировать формально-семантические отношения слов на межъязыковом уровне.

Под *семантической эквивалентностью (соответствием)* мы понимаем установление набора свойств, признаков, черт, характеристик языковых единиц, в которых может быть обнаружена межъязыковая семантическая общность. Причем эквивалентность не всегда есть тождество. В тождестве совпадают все признаки. Эквивалентные же единицы обладают какими-то общими свойствами, позволяющими им выполнять одинаковую функцию. Сопоставительный анализ семантических объемов русско-белорусских гетеролекс (по данным СРЯ и ТСБМ) позволил распределить исследуемые корреляты в группы по степени семантической близости.

1. Абсолютно эквивалентные по смыслу гетеролексы (или омосеманты) — это корреляты русского и белорусского языков, полностью совпадающие по объему значений, стилистической принадлежности, экспрессивной окрашенности. Только небольшая часть слов от общего количества выборки разнокорневой лексики представляет эту группу. Сюда относятся многие термины, общие для русского и белорусского языков, заимствования, различные наименования месяцев, дней, мер и весов, родства и родственных отношений, одежды, головных уборов и др., то есть ряд однокомпонентных соответствий. Вообще полное совпадение единиц двух языков в плане содержания —

явление не очень частое и может, в свою очередь, осложниться наличием эмоционально-экспрессивной окраски у одного или нескольких слов или их отнесенностью к различным сферам употребления. Группа абсолютно тождественных по смыслу межъязыковых коррелятов немногочисленна, например: *реполов* 'маленькая певчая птица' – *каналянка* 'невялічка пеўчая птушка'; *декабрь* 'двенадцатый месяц календарного года' – *снежань* 'дванадцаты месяц календарнага года' и др.

Ученые часто высказывают опасение, что лексических единиц с эквивалентными значениями очень мало и что они не представляют научного интереса, так как дублируют друг друга в речевом процессе. Исследованный нами материал опровергает подобное утверждение: данные слова выражают одно и то же значение разными ресурсами с функционально-стилистической и с лексической точек зрения, в разном лексическом окружении и в разных синтаксических конструкциях, образованных по неодинаковым моделям. Например: *ленточка* – *стужачка*, (*в косе*) *жычка*, *каснік* (*стужачка* – 1) 'полоска разноцветной ткани'; 2) 'ткани для технических нужд'; 3) (перен.) 'то, что вьется'; 4) 'движимое полотно в некоторых механизмах'; *жычка* – (обл) 'красная лента'; *каснік* – 1) 'узкая полоска ткани, которая влетает в косу'; 2) (перен.) 'то, что имеет форму узкой полоски, ленты'. Коррелят *жычка* является словом с более узкой семантикой. Очевидно, что язык мог бы обойтись только употребительными словами *стужачка* и *каснік*, а соответствие *жычка* представляет собой диалектизм, который призван разнообразить лексические ресурсы языка художественной литературы. Следовательно, стилистически сниженная словарная единица с меньшим объемом значений не всегда является лексической необходимостью, а скорее резервным разнообразием лексики.

2. Относительно эквивалентные по смыслу гетеролексы (или парасеманты) – это корреляты русского и белорусского языков, у которых наблюдаются некоторые расхождения в объеме значений, стилистической принадлежности, экспрессивной окрашенности. Такая смысловая неравнозначность может наблюдаться в ситуациях, когда русскому слову соответствуют два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, реже – девять и десять белорусских соответствий и когда русское слово омонимично, а также когда слово русского языка полисемантно и переводящие эквиваленты обладают несколькими значениями. Замечено, что лексические пары, обусловленные омонимией или полисемией, в белорусском языке встречаются чаще, чем в русском (более 70%).

При синхронном сравнении разнокорневой лексики обнаруживаются различия, связанные с различием семантических объемов:

а) объем значений русского слова шире объема значений белорусского слова: *выговор* 1) 'манера, характер произношения звуков, слов языка;

2) 'порицание, выражение неудовольствия чьим-либо поведением, поступками' и т.п. – *вымова* 'адміністрацыйнае дысцыплінарнае спаганне за адмоўны ўчынкi, дрэнныя адносіны да працы'; *мелочь* 1) 'предметы небольшой величины, мелкие вещи' 2) 'мелкие деньги', 3) 'что-либо не имеющее существенного значения, пустяк' – *драбязя* 1) 'дробныя прадметы, рэчы', 2) 'пра чалавека, які не мае аўтарытэту, уплыву' и др.;

б) объем значений русского слова уже объема значений белорусского слова: *безумец* 1) 'сумасшедший', 2) 'крайне безрассудный человек' – *шалёны* 1) 'хворы на шаленства', 2) 'вельмі раздражнёны, які страціў разважлівасць, люты, нястрыманы', 3) 'небяспечны, неверагодны, нечаканы'; *мусор* 'отбросы, сор' – *смецце* 1) 'дробныя адкіды, рэшткі чаго-небудзь', 2) 'пра што-небудзь непатрэбнае, лішняе'; 3) 'драбязя, што-небудзь дробнае, нязначнае', 4) 'пра што-небудзь мізэрнае, нязначнае, нікчэмнае і інш.'

Часто русский и белорусский корреляты различаются тем, что русское слово – более узкий термин, в то время, как белорусское может использоваться шире (в зависимости от контекстуальных условий): *откупоренный* – *адаткнуты*, (о бутылке еще) *адкаркаваны*, (о бочке) *адшпунтаваны*, (о консервах, ящике) *адчынены*; *свернувшийся* – (о жидкости) *згуслы*, (о молоке) *абрызглы*, *скіслы*, (при кипячении) *адкіпелы* и др.

Замечено, что при переводе русского слова на белорусский язык возникает целый ряд соответствий и что половина данных семантических и лексических соответствий имеет приблизительный характер. Такое положение обнаруживается:

(1) в переводах отглагольных существительных: *изобретатель* – *вынаходнік*, *вынаходца*; *осмысление* – *асэнсаванне*, *асэнсоўванне*; *отсчет* – *адлічванне*, *адлік*; *заимствование* – *запазычанне*, *запазычванне* и др. Эти и подобные им словообразовательные дублиеты существуют в книжном стиле, поэтому лексикографы ТСБМ фиксируют задаваемые словообразовательной схемой формы и каждую сопровождают взаимосоответствующим переводом. Однако существует некоторая несистематичность между подачей переводных соответствий в РБС-91, РБС-94 и их толкованием в ТСБМ. В ТСБМ больше представлена лексика кодифицированного языка. Возможно, поэтому составители словаря не всегда дают толкование или не включают в словарь гетеролексы, относящиеся к разряду разговорных, просторечных: *определимость* – *азначальнасць* (в ТСБМ отсутствует), *вызначальнасць*; *оглушение* – *адурэнне*, *здурэнне* (в ТСБМ отсутствует); *гадалка* – *варажбітка*, *вароэжка* (в ТСБМ отсутствует); *копильня* – *вяндлярня*, *вяглярня* (в ТСБМ отсутствует); *застегивание* – *запітыванне*, *запілянне* (в ТСБМ отсутствует) и др.;

(2) в переводах отглагольных прилагательных и причастных форм: *сочитанный* – *злічаны*, *палічаны*; *раскромсанный* – *разрэзаны*, *парэзаны*;

притащенный – *прыцягнены, прыцягнуты, проштукатуренный* – *атынкаваны, патынкаваны*.

Конечно, изобилие в текстовых источниках причастных форм характерно для старославянской и русской книжности. В белорусской лингвистике бытуют мнения:

а) что причастия действительного и страдательного залогов не свойственны народной речи и потому только портят народный язык, что во всех случаях перевода лучше обойтись описательным оборотом или глаголом;

б) что можно испытать словообразовательные возможности слова, для этого его нужно вербализовать (“отглаголить”), а затем получить отглагольное прилагательное или нужную причастную форму. Такая полярность мнений отражается в толковых и двуязычных словарях. Например, двуязычные словари в качестве переводного соответствия приводят словообразовательные дублиеты, один из которых отсутствует (или оба) в ТСБМ: *расцарапанный* – *разадраны, раздэрты* (в ТСБМ отсутствует); *изведанный* – *азнаны* (в ТСБМ отсутствует), *абляяны, постиранный* – *памыты* (в ТСБМ отсутств.), *вымыты*; *засученный* – *закасаны* (в ТСБМ отсутств.), *надкасаны*; *разбрызганный* – *распырсканы, параспырскваны* (в ТСБМ отсутств. оба); *вытасканный* – *выцяганы, навывцяганы* (в ТСБМ отсутств. оба); *заруганный* – *вылаяны, злаяны* (в ТСБМ отсутств. оба);

(3) в переводах имен прилагательных: *внеочередной* – *пазачарговы, нечарговы*; *предзакатный* – *надвячэрні, адвячоркавы*; *подопытный* – *паддоследны, доследны*;

(4) в переводах глаголов совершенного вида: *устыдить* – *засароміць, засарамациць*; *раздолбить* – *раздзяўбіць, раздзяўбаць*; *поубить* – *зменьшыцца, паменьшыцца*; *вышупать* – *вымацаць, абмацаць*; *поприветствовать* – *прывітаць*; *павітаць*; *втолковать* – *утлумачыць, растлумачыць*; *откланяться* – *адвітацца, развітацца* и др.;

(5) в переводах наречий: *преднамеренно* – *наўмысна, наўмысля*; *вразброс* – *уроскідку, уроскід*; *впору* – *пакатам, упокат*; *ежечасно* – *штогадзіна, штогадзіны*; *крестообразно* – *накрыж, крыжападобна* и др.

Как видим, огромную роль в лексико-семантических отношениях русско-белорусских гетеролекс играет словообразовательная гибкость языков, которая проявляется в количестве суффиксов и префиксов. Незначительная формальная перестройка слова может привести либо к их семантической взаимообусловленности, либо лишить один вариант академической строгости и ослабить его нормативные качества. Итак, *однокоренные дублиеты* – это словообразовательные варианты слова, которые, хотя и различаются аффиксальными и словообразующими морфемами, совпадают по значению. Однако в языке непрерывно происходят разнообразные процессы, которые то приводят к семантической дифференциации вариантов одного и того же

слова и превращению их в разные слова, то к сглаживанию семантических различий и совпадению первоначально различных слов в одном слове.

Значения белорусских словообразовательных дублетов могут полностью совпадать по отношению к исходному слову: *очевидец – сведка, відавочнік, відавочца* ('свидетель происшествия, события'); *скользжение – слізгаценне, слізганне* ('движение по скользкой поверхности, не отрываясь от нее'), *коўзанне* и др., а по отношению к синонимичному гетеролексу это значение может быть тождественным или более узким (или, наоборот широким). Например, *сведка* имеет три значения: 1) 'тот, кто непосредственно присутствовал при событии или происшествии'; 2) 'тот, кто приглашается в суд для дачи показаний'; 3) 'тот, кто присутствует для официального свидетельства правильности, действительности того, что происходит'. В то же время дублеты *відавочнік, відавочца* имеют только одно значение.

Зачастую очень непросто оказывается отбор подобных гетеролексичных пар, систематизация их семантической структуры, потому что переводные словари, составляющие главный источник нашего материала, перегружены синонимами, различия между которыми не оговорены: гетеролекс белорусского языка может быть шире по своему значению и иметь больший объем значения, чем слово русского языка (и наоборот: слово со сравнительно узким значением переведено словом с более широким значением или многозначным словом без всяких уточняющих пояснений). Например, русское слово *лукошко* и белорусские корреляты *кошык, лубянка* имеют адекватное значение 'небольшая корзина из луба, прутьев, бересты', а вот коррелят *кош*, кроме данного значения, обладает еще двумя: 2) 'для перевоза сыпучих вещей'; 3) 'коробка в мельнице над жерновами, в которую засыпают пшеницу для помола'.

На наш взгляд, широта или узость объема значения слов в русском или белорусском языках и составляют национальную специфику каждого из них.

2.1. Белорусские эквиваленты, неточно выражающие значения русских слов.

2.1.1. Коннотативно недостаточные белорусские словарные эквиваленты (*врата – дзверы; духовная – завяшчанне; алкать – жадаць; почивший – нябожчык* и др.). В семантические объемы белорусских форм не входят эмоциональные созначения русских. Именно наличие коннотата, присущего русскому слову, отличает русские номинанты от их белорусских соответствий. Белорусские корреляты вынуждены в таких случаях пополнять свой объем значения за счет контекста или других средств языка.

2.1.2. Денотативно недостаточные белорусские словарные эквиваленты (*злак – трава; прихожая – вітальня; гравий – жвір* и др.). При кажущемся семантическом тождестве белорусские соответствия неадекватно передают денотативное значение русского слова.

3. Наличие лагун в белорусском языке. Русский и белорусский языки относятся к синтетическим языкам. Однако не всегда значение слова выражается формантом в рамках синтетической единицы. Возникают ситуации, когда белорусский номинант способен только аналитически выразить семантику русского слова. Наличие лагун обусловлено трудностями в передаче денотативных и коннотативных значений в белорусском языке: (*пряность – вострая прыправа; скопление – вялікая колькасць; отчество – імя па бацьку* и др.).

Структура белорусской аналитической единицы может быть обусловлена словообразовательной структурой синонимичного ей белорусского номинанта: *захозяйничать – загаспадарыць, пачаць гаспадарыць; навредить – нашкодзіць, нарабіць шкоды; подзаныть – перахапіць, трохі пазычыць; подпортить – пасапсаваць, крыху (злёжку) сапсаваць; плотничать – цялярыць, быць цясляром; искони (уст.) – спрадвеку, спакон веку* и др. Большую часть подобных соответствий составляют глаголы.

Структура белорусской аналитической единицы не обусловлена словообразовательной структурой синонимичного ей белорусского номинанта: *пяціцалтынный – залатоўка, 15 капеек; домоправитель (уст.) – аканом, кіраўнік гаспадаркі; восторжествовать – перамагчы, узяць верх; пинать – штурхаць, біць нагой; почти – амаль, траха што; хорошенько – добра, як мае быць*. Такое сочетание гетеролекс плюс аналитическая единица дает возможность этим словам взаимозаменяться в речи в зависимости от условий речевой ситуации. Как правило, гетеролекс и аналитизм имеют почти равноценную семантику. Мы говорим “почти”, так как незначительные лексические, словообразовательные, грамматические и другие вкрапления в структуру межъязыковых соответствий придают некоторую оттеночность их значениям: *копченка – вяндліна* (прост.), *вэнджанае мяса, вэнджаная рыба* (выбор главного слова зависит от контекста или речевой ситуации).

Дать точную классификацию, учитывающую все сходства (полные и частичные) семантических структур гетеролекс сложно, так как в каждом отдельном случае схематичность подобных сходств может нарушаться контекстуальным использованием гетеролекса. Абсолютные и относительные по смыслу гетеролексы в русском и белорусском языках могут выражать одно и то же содержание (в том числе в пределах синонимического ряда) различными формальными ресурсами: кальками (*отождествлять – атаясамліваць*); словообразовательными дублетами (*втолковать – утлумачыць, растлумачыць*); аналитическими единицами (*замертво – як мёртвы, як нежывы, у непрытомнасці*).

Семантика гетеролекс в русском и белорусском языках имеет сложную, с точки зрения организации, систему, семантические процессы протекают не всегда совершенно одинаково, смысловая структура их изменчива и подвижна. Гетеролексы-омосеманты легче всего поддаются языковому анализу, так как представляют собой ряд однозначных соответствий. Эти корреляты

являются полными семантическими дублетами, хотя могут обнаруживать отличия на функциональном уровне. Гетеролексы-парасеманты являются потенциальной базой для возникновения интерференционных ошибок, поэтому и причисляются к группе относительных гетеролекс. А гетеролексы-гетеросеманты – это интерференционные ошибки в чистом виде. Здесь нарушается присущее гетеролексическим лексемам противоречие (разный план выражения / единый план содержания). Эти корреляты, ослабляющие нормативные свойства русского и белорусского языков, имеют место только в речи билингов; вышесказанное подтверждают результаты психолингвистического эксперимента (*кружева – каронкі* (вместо *карункі*); *оратор – араты* (вместо *прамоўца*); *хозяйка – гаспадарка* (вместо *гаспадыня*); *грамотность – вучонасць* (вместо *письменнасць*) и др.

Нами отмечена стилистическая асимметрия: из гетеролекс, имеющих маркировку, русское слово носит более сниженный характер, что также может стать причиной переводческих трудностей и вызвать межъязыковую интерференцию.

Составители двуязычных словарей часто предлагают в качестве переводных эквивалентов два и более слов, позволяющих, в свою очередь, избежать повторений, что способствует созданию образной и выразительной речи. Одним словом, переводятся слова-термины, наименования предметов быта и др. Большинство же русских коррелятов переводятся на белорусский язык синонимической парой или синонимическим рядом. Причины, на наш взгляд, заключаются в следующем:

– в результате разного наименования одного и того же понятия в разных функциональных стилях речи (*внушить* (книж.) – (разг.) *намовіць*; *изречь* – (разг.) *рэкнуць*; *векша* (уст.) – *вавёрка*; *воздаяние* (уст.) – *падзяка*, *аддзяка* и др.);

– в результате разного наименования одного и того же понятия в литературном языке и в диалектах (*лента – стужка*, *каснік*; *космы – каслаўкі*, *кудлы* и др.);

– в результате разного наименования одного и того же понятия в общепотребительной речи и в профессиональной (*чахотка – сухоты*; *журавль – (техн.) вінда*);

– в результате употребления равных по значению слов разного происхождения (*стругать – габляваць*; *велосипед – ровар*; *чай – гарбата*).

Изучение семантической организации гетеролексических соответствий с точки зрения их состава позволило получить новые систематизированные сведения о характере сложных семантических отношений, в которых чаще всего находятся межъязыковые лексические эквиваленты и которые осложнены различиями в их семантическом объеме, а также наличием у

них разнообразных коннотативных и стилистических признаков. Все это открывает новые возможности сопоставительного изучения лексических систем русского и белорусского языков и их лексикографической обработки.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-ое изд., стер.: – М.: Совет. Энцикл., 1969. – 605 с.